Один за другим все они бесцельно двинулись в путь из Южного города.

Они совершенно не знали, куда направляются, и единственной их целью было выследить русалок.

Если присмотреться к отряду, то можно было заметить, что скрытые стражи, которых обычно никогда не увидишь просто так, сейчас действительно отсутствовали. Инь Ся, Мо Цин, Бай Цзыцяо… среди сопровождающих недоставало лишь Гун Тяньхэна. Но как же они собирались отыскать следы русалок без Гун Тяньхэна?

Сегодня Хуанфу Цзюнь не ехал в одной повозке с Бай Цзыцяо. Если приглядеться, можно было заметить, что на коленях у Хуанфу Цзюня свернулась калачиком белоснежная маленькая лисичка. Сам же Хуанфу Цзюнь непрерывным потоком передавал лисичке внутреннюю силу… нет, раньше это назвали бы внутренней силой, но теперь её следовало бы именовать духовной.

С тех пор как золотое ядро Хуанфу Цзюня растворилось в его даньтяне и бесследно исчезло, он начал ощущать перемены в собственном теле. И хотя он не мог точно сказать, в чём именно заключалась разница в целом, в малейших деталях она несомненно проявилась.

Маленькая лисичка лениво моргнула фиолетовыми глазами, отбросив лёгкую тень длинными ресницами. Она приподняла голову, принюхалась к воздуху и, убедившись, что они не сбились с пути, снова закрыла глаза и продолжила спать.

Хуанфу Цзюнь чувствовал себя несколько беспомощно. Когда они столкнулись вчера, он уже знал, что тот ранен, но никак не ожидал, что не пройдет и суток, как к прежним ранам добавятся новые. Ходили слухи, что это Инь Ся поколотил Мо Цина, и выражение лица Хуанфу Цзюня при этой мысли стало весьма странным; вспомнив, как беспрекословно Инь Ся до этого повиновался Мо Цину, он утвердился в некоторых своих догадках.

— Демоны и люди… в чём между ними разница?

— Никакой разницы. И те и другие наделены чувствами и оба стремятся достичь бессмертия через самосовершенствование.

Слушая столь небрежный ответ лисицы, Хуанфу Цзюнь отвернулся и посмотрел в окно. За окном проплывали самые обычные, заурядные пейзажи, но Хуанфу Цзюнь просидел, вглядываясь в них целую вечность.

Когда твоя истинная сущность внезапно меняется из человеческой в демоническую, никому не под силу принять это в одно мгновение.

Хуанфу Цзюнь неожиданно почувствовал прилив любопытства к своей никогда прежде не виданной матери. Лань Жо рассказывал, что она еще жива, просто вернулась в мир демонов и к тому же является почитаемой принцессой своего рода… Вот только… он никак не мог взять в

толк, почему Лань Жо упорно отказывается говорить ему, какими именно демонами они являются.

Прежде его боевые искусства не знали равных в мире, но теперь, узнав о существовании людей, демонов и бессмертных, он чувствовал себя до смешного ничтожным. В глазах тех, кто ступил на путь постижения Дао и гонится за бессмертием, люди вроде него, практикующие лишь боевые умения, — всего лишь букашки.

Продолжительность жизни тех, кто следует по Пути Дао, вовсе не похожа на легендарную вечную молодость и неуязвимость. Они точно так же подвержены рождению, старости, болезням и смерти, как и обычные люди… Но всё же они бросают вызов небесам. Желая пренебречь волей Небесного Пути ради обретения долголетия, они неизбежно должны были заплатить за это свою цену.

Этот день пролетел незаметно, а Гун Тяньхэн время от времени указывал им дорогу. Воздух по-прежнему был насыщен густым ароматом, и, по его подсчетам, они отставали от цели самое большее на два дня. Иными словами, нагнать беглецов удастся совсем скоро.

— Ты никогда не думал о том, что станешь делать, если не сумеешь снять узы бабочки?

Хуанфу Цзюнь долго молчал, а затем спросил его в ответ:

— И что же будет, если падет проклятие уз бабочки?

— Когда черная нить доберется до плеча, ты постепенно начнешь терять вкус, обоняние, слух и зрение. В те дни, что останутся до смерти, ты ослепнешь, оглохнешь и уйдешь в кромешную тьму.

Хуанфу Цзюнь поджал губы, мысленно представил эту картину, а затем произнес:

— Я не боюсь темноты, но… если Цзыцяо будет рядом, а я не смогу его увидеть; если он заговорит со мной, а я не услышу; если мы ляжем на одно ложе, а я не почувствую исходящего от него аромата… от этого мне станет только больнее.

Хуанфу Цзюнь долго смотрел на занавеску, а затем уголки его губ дрогнули в усмешке:

— Если узы бабочки действительно не удастся снять, я сделаю всё возможное, чтобы он возненавидел меня. Если его не будет со мной рядом, он не станет страдать сердцем. А раз он не будет со мной, мне не придется мучиться оттого, что он из-за меня страдает.

Поразмыслив еще немного, Хуанфу Цзюнь почувствовал, как его светло-золотые глаза внезапно наполняются уверенностью.

— Я не позволю этому случиться! Я знаю, как выглядит противоядие, я смогу его найти!

В фиолетовых глазах лисицы мелькнуло непонятное для Хуанфу Цзюня выражение, и она произнесла:

— Я постараюсь помочь тебе отыскать его.

— Мм.

Ночью путники расположились на отдых в лесу. Роскошные двухместные повозки достались соответственно Мо Цину с Гун Тяньхэном и Хуанфу Цзюню с Бай Цзыцяо.

Инь Ся добровольно вызвался нести первую стражу до полуночи, а Гун Тяньхэн, немного подумав, сказал, что отстоит вторую половину ночи, ведь он-то за день отдохнул лучше всех.

Повозка девятого дяди, само собой, отличалась поистине невероятной роскошью.

Для использования ее в качестве ложа места было более чем достаточно, не говоря уже о том, сколько бесценных целебных травах хранилось в бесчисленных тайниках внутри этой повозки — об этом знали лишь Мо Цин и Хуанфу Цзюнь.

— Цзыцяо…

Обнимая Бай Цзыцяо и вдыхая исходящий от него легкий аромат лекарственных трав, Хуанфу Цзюнь невольно почувствовал, как в нем закипает страсть.

Его руки сами собой заскользили по манящему телу Бай Цзыцяо, заставляя того вздрогнуть от внезапной дрожи.

Бай Цзыцяо сдержал рвущийся наружу стон и легонько оттолкнул руку Хуанфу Цзюня:

— Не надо… Мо Цин говорил, что нельзя.

Ощущая у себя за спиной всю мощь возбужденного мужчины, Бай Цзыцяо закусил губу. Он прекрасно понимал, как тяжело Хуанфу Цзюню сдерживаться, и в конце концов закрыл глаза:

— Потише…

Хотя голос его звучал едва слышно, получив позволение, Хуанфу Цзюнь нежно избавил их обоих от одежды и мягко вошел внутрь Бай Цзыцяо…

Мо Цин, разумеется, и ведать не ведал, что эти двое пренебрегли его наставлениями. Его больше тревожил странный пульс Бай Цзыцяо, поэтому он решил позволить им пока немного передохнуть, а через несколько дней, проверив все как следует, можно будет обсудить остальное…

Сейчас же все его мысли занимало состояние Гун Тяньхэна.

Хотя Хуанфу Цзюнь и подпитывал его духовной силой целый день, главная беда заключалась в ранах, нанесенных Мечом, Рубящим Демонов. Это оружие наносило демонам тяжелейший вред, и раны от него даже не желали затягиваться! Хмурясь, Мо Цин разглядывал его повреждения, мысленно перебирая в памяти рецепты снадобий, способных помочь Гун Тяньхэну.

Гун Тяньхэн же неизменно утешал его:

— Пустяковая рана. Через пару дней духовная сила полностью восстановится, и от этого пореза не останется и следа.

Однако лжец Гун Тяньхэн совершенно забыл, что Мо Цин — врач, и разве мог он так легко поверить его словам?

— Я вспомнил! — в глазах Мо Цина вспыхнула искра. — Кровавая орхидея! Это цветок-спутник тысячелетнего алого лотоса. Для людей она смертельный яд, но для демонов — величайшее сокровище, укрепляющее тело.

Гун Тяньхэн, конечно же, тоже знал о кровавой орхидее. Разве он сам не подумывал о ее поисков? Но ведь это лишь придаток тысячелетнего алого лотоса, произрастающий не далее чем в десяти шагах от самого цветка — разве ее так просто отыскать?

— Девятому дяде нужен тысячелетний алый лотос, а тебе — кровавая орхидея. Отыскав русалок, мы непременно должны отправиться к Снежной вершине. Пусть мы не обязательно найдем ее там, но зацепки точно будут!

Приняв решение, Мо Цин успокоился и постепенно погрузился в сон.

Полночь миновала, и Гун Тяньхэн, сдержав обещание, явился сменить Инь Ся на посту.

— Ты ведь любишь моего старшего брата? — бросив на него случайный взгляд, небрежно обронил Гун Тяньхэн перед тем, как Инь Ся забрался в повозку. По тому, как тот обращался с Мо Цином, нетрудно было догадаться обо всем остальном.

Инь Ся молча поджал губы. Он и сам толком не понимал, что чувствует к Мо Цину… просто…

— Если ты надумаешь взять его в жены, сначала тебе придется пройти через меня.

На юношеском лице появилась совершенно безобидная улыбка. Он прекрасно знал, что эта деревянная башка Мо Цин, чьи медицинские познания поражали воображение и потрясали небо и землю, в делах сердечных была абсолютно безнадежна. И он вовсе не желал, чтобы его старшего братца вот так запросто кто-то увлек за собой.

Ночь… выдалась долгой…

Ранним утром все проснулись и продолжили путь, однако атмосфера между Мо Цином и Инь Ся стала какой-то странной.

http://bllate.org/book/21730/2245842